

ИЗДАНИЕ

ВЪ СЕРИИ ВОЕННЫХЪ

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ТОМЪ I-й. ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Г. И. ДЕНИСОВСКИЙ

1866

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

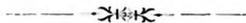
ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БИОГРАФІАХЪ.

В. Лотто.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легли для защиты знамени и долга.

(Изъ приветственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа).

Книга эта рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Внесена въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ 1-й

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ЕРМОЛОВА.

ВЫПУСКЪ II.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Изданіе книжнаго склада В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собств. д., № 14.

1887.

XIV.

Генераль-аншефъ Текелли.

ослѣ отъѣзда съ Кавказа генерала Потемкина сохранившаго за собою званіе кавказскаго намѣстника, фактическимъ начальникомъ кавказскихъ войскъ остался генераль-аншефъ Петръ Абрамовичъ Текелли. «Горбоносый, худой и длинный сербъ», какъ описываетъ его одинъ изъ русскихъ историческихъ романистовъ*),—это былъ опытный боевой генераль, одинъ изъ лучшихъ кавалеристовъ своего времени. Происходя отъ древняго сербскаго рода, онъ началъ военную службу въ Австріи, въ рядахъ венгерскихъ гусаръ, а въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, въ числѣ многихъ отличныхъ сербскихъ офицеровъ, перешелъ въ русскую армию при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Еще въ XVII вѣкѣ, во время войны императора Леопольда съ турками, изъ Турціи вышли въ австрійскія владѣнія до 60 тысячъ сербовъ, которые не только помогли австрійцамъ освободить отъ турецкаго ига

*) Данилевскій—«Послѣдніе запорожцы».

многіе венгерскіе и сербскіе города, но потомъ содѣйствовали имъ и въ дѣлѣ усмиренія буйныхъ венгерцевъ. Отсюда начинается вѣковая непримиримая вражда венгровъ къ славянамъ. Притѣсняемые мадьярами, сербы вынуждены были наконецъ искать для себя новаго отечества и обратились къ Россіи. Полковникъ Хорватъ первый явился съ цѣлымъ гусарскимъ полкомъ, а вслѣдъ за нимъ стали переходить въ русскую службу и другіе отличные сербскіе офицеры, принимаемые тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что, помимо своей извѣстной храбрости, они могли быть въ высшей степени полезны въ турецкихъ войнахъ какъ знаніемъ мѣстности, такъ и своими связями съ единоземцами. Изъ нихъ тогда же образованы гусарскіе полки, которые и поселены въ Задѣйпровѣ, въ сосѣдствѣ съ Запорожескимъ войскомъ. Къ числу этихъ выходцевъ принадлежалъ и Текелли.

Въ семилѣтнюю войну Текелли заставилъ говорить о себѣ какъ о талашливомъ партизанѣ, не разъ являвшемся достойнымъ соперникомъ Лаудона, Цитена и Зейдлица; на этомъ поприщѣ онъ и положилъ начало своей военной славы. Слава эта утвердилась за нимъ еще болѣе въ первую половину царствованія императрицы Екатерины Великой, когда велись непрерывныя войны съ турками и поляками. Израненный въ бояхъ, онъ возвратился изъ этихъ походовъ въ чинѣ генераль-поручика и былъ украшенъ орденами Анны 1-й степени и Георгія на шею.

Но въ исторіи Россіи имя Текелли памятно болѣе всего потому, что оно тѣсно связано съ паденіемъ Сѣчи и съ уничтоженіемъ Запорожскаго войска. Вотъ какъ рассказываетъ Данилевскій объ этомъ замѣчательномъ событіи.

4-го іюня 1775 года, на тронцкую недѣлю русскій корпусъ венгерскаго выходца серба генераль-поручика Текелли, вмѣстѣ съ валашскимъ и венгерскими полками другаго серба генераль-маіора Федора Чорбы, двинулся къ Днѣпровскимъ порогамъ. Тутъ было пятьдесятъ полковъ конницы—пикинеровъ, гусаръ и донцовъ,—и десять тысячъ пѣхоты. Войско раздѣлилось на отряды, и безъ огласки занимая по пути главныя села, съ четырехъ сторонъ подошло къ Сѣчи. Празднуя зеленыя святки, запорожцы увидѣли неожиданныхъ гостей только тогда, когда они стали уже на возвышенностяхъ вокругъ Коша.

— Что, дѣти, будемъ дѣлать? говорилъ кошевой Колышевскій, разглядѣвъ изъ окна передовые шкеты русской арміи: то, вѣрно, царское войско пришло, чтобы звать насъ опять на турокъ!

— Нѣтъ, батъко, отвѣчали вбѣжавшіе съ поля казаки—русскіе не зовутъ насъ на турокъ; ихъ пушки нацѣлены горами противъ Коша.

Текелли подошелъ къ Запорожью ночью, и такъ какъ всѣ часовые по обыкновенію покоились безмятежнымъ сномъ, то Орловскій пѣхотный полкъ съ эскадрономъ конницы прошелъ незамѣтно черезъ все предмѣстье и безъ выстрѣла занялъ Новосѣченскій ретраншаментъ. На утро Текелли потребовалъ къ себѣ кошевыя власти и предъявилъ имъ указъ императрицы объ упраздненіи Запорожскаго войска.

Сѣчь зашумѣла. Болѣе пылкіе атаманы, ватажки и характерники хотѣли защищаться, несмотря на наведенныя на нихъ пушки; но другіе, болѣе разсудительные, мечтавшіе о возрожденіи Сѣчи въ другомъ мѣстѣ и видѣ, уговаривали всѣхъ на время покориться. Голосъ благоразумія, поддержанный кошевыми властями вмѣстѣ съ духовенствомъ, взялъ верхъ, и вольная Запорожская Сѣчь, гордая тѣмъ, что никогда никому не покорялась, пала безъ борьбы и сопротивленія.

Текелли сталъ твердою ногою въ занятой Сѣчи и началъ вводить въ ней новые порядки. Кошевой Колышевскій, писарь Глоба и нѣкоторые куренные атаманы, какъ люди опасные по своему вліянію среди казаковъ, были вывезены въ Россію. Кошевой и писарь были пострижены въ иноки, первый въ Соловецкій монастырь, а второй въ Бѣлозерскій, гдѣ и кончили дни свои въ глубокой старости.

Но крутыя мѣры, принимаемыя по отношенію къ запорожцамъ, сдѣлали однако то, что они, одинъ по одному, тайно стали выбираться изъ Коша. Когда Текелли замѣтилъ это, въ Сѣчи уже почти никого не оставалось.

— Гдѣ же ваше войско? кричалъ Текелли, когда къ нему привели какого-то сѣдого сгорбленнаго дѣда.

— Какъ, пане, гдѣ? — отвѣтилъ дѣдъ: оружіе и прочее отъ

насъ отобрали, не стало и войска. Одни, кто женать, разбрелись по зимовникамъ, остальные сиромахи ушли, видно, до Турка.

Изъ 13 тысячъ запорожцевъ, сидѣвшихъ надъ Диѣпромъ, 12 тысячъ дѣйствительно ушло за Дунай, въ Туречину. Мысль князя Потемкина переселить запорожцевъ въ Россію не удалась, — запорожцы выселились сами.

Въ Петербургѣ были не совѣмъ довольны такимъ оборотомъ дѣла, но поправить его было уже невозможно, и князь Прозоровскій, пріѣхавшій смѣнить Текелли, нашелъ на мѣстѣ, гдѣ стояла Сѣчь, лишь степныя могилы, „что чернѣютъ

Словно горы въ полѣ
И лишь съ вѣтромъ перелетнымъ
Шепчутся о волѣ..

по поэтическому выраженію народнаго малороссійскаго поэта.

Прошло 12 лѣтъ, и мы видимъ Текелли на Кавказѣ уже генераль-аншефомъ. Потемкинъ только что уѣхалъ въ Россію; войска, участвовавшія съ нимъ въ походѣ, не были однако распущены, и Текелли рѣшился воспользоваться прекрасною осенью, чтобы еще разъ сходить за Кубань, и страхомъ разгрома черкесскихъ жилищъ обезпечить себѣ мирныя зимовыя квартиры.

13-го октября 1787 года, 12 тысячъ русскаго войска перешло Кубань и въ нѣсколько дней истребило все непріязненное населеніе, гнѣздившееся между рѣкою Лабой и Сиѣговыми горами. Въ то же время донской атаманъ Иловайскій опустошилъ пространство между Лабой и Кубанью, а кабардинцы, предводимые своимъ соплеменникомъ бригадиромъ Горичемъ *), привели въ покорность абадзиновъ, бесленевцевъ, башильбаевъ и кипчакскихъ татаръ. 500 человекъ кабардинскихъ панцырниковъ прошли горами даже до Суджукъ-Кале и, разсѣявъ тамъ турецкій отрядъ, отбили двѣ мѣдныя пушки, которыя въ качествѣ трофеевъ и привезены были въ Георгіевскъ, ставшій со времени Текелли резиденціей главныхъ начальниковъ края. Во время этой

*) Два брата Горичи, кабардинцы по происхожденію, долго служили въ Россіи. Старшій былъ бригадиромъ, а младшій генераль-майоромъ польской службы. Послѣдній командовалъ одно время Терскимъ казачьимъ войскомъ, а старшій предводительствовалъ кабардинцами въ походѣ Текелли. Позже онъ убитъ подъ Очаковымъ.

же экспедиціи кабардинцами было освобождено болѣе ста чело-
вѣкъ русскихъ плѣнныхъ и взято тридцать черкесскихъ аманат-
товъ, которыхъ Текелли немедленно отправилъ въ лагерь свѣт-
лѣйшаго князя Потемкина, давно желавшаго видѣть среди своей
свиты воинственныхъ представителей кавказскихъ народовъ.

Въ походѣ Текелли кабардинцы въ первый разъ являются въ
рядахъ русскихъ войскъ, и этотъ первый опытъ увѣичался, ка-
залось, полнымъ успѣхомъ. Ихъ подвиги были замѣчены; про
нихъ заговорили, особенно послѣ того, какъ стало извѣстно, что
кабардинцы, оставшіеся дома, немогали охранять терскія ста-
ницы и даже разъ, подъ предводительствомъ Горича младшаго, на-
пали на чеченцевъ, возвращавшихся изъ набѣга, и отбили у
нихъ весь русскій полонъ. Одинъ Текелли, суровый и всегда осмо-
трительный, не спѣшилъ расточать похвалъ кабардинцамъ,—онъ
не довѣрялъ ихъ безкорыстной службѣ. И онъ не ошибся. Едва
кабардинцамъ объявили отказъ на ихъ домогательства получить
обратно земли, отошедшія подъ русскія укрѣпленія, какъ ревность
ихъ охладѣла, и въ слѣдующемъ году они не только не приняли
участія въ походѣ Текелли, но въ продолженіе его даже нѣсколь-
ко разъ тревожили линію набѣгами.

Турецкая война между тѣмъ разгоралась. Получены были из-
вѣстія, что турки хотятъ овладѣть Тавридою, и князь Григорій
Александровичъ Потемкинъ, озабоченный этимъ обстоятельствомъ,
предписалъ Текелли какъ можно скорѣе начать военныя дѣйствія
противъ Суджукъ-Кале или Анапы.

Разливъ Кубани не допустилъ однако открытъ кампанію ранѣе
осени 1788 года. Лѣтомъ небольшіе летучіе отряды русскихъ
войскъ время отъ времени появлялись однако на лѣвой сторонѣ
Кубани и производили тамъ поиски. Самый удачный изъ нихъ
былъ въ половинѣ августа, когда бригадиръ Берхманъ съ не-
большимъ отрядомъ истребилъ нѣсколько ауловъ въ землѣ абад-
зиновъ, сжегъ ихъ хлѣба и возвратился съ большою добычею.
Но главныя силы, подъ предводительствомъ Текелли, перешли
Кубань только 19 сентября, нѣсколько ниже теперешней Усть-
лабинской крѣпости, гдѣ былъ тогда Петровскій редутъ. Непрія-
тель всюду отступалъ, и только 21-го сентября произошло доволь-

но серьезное столкновение, въ которомъ былъ убитъ казачій полковникъ Барабанщиковъ. Между тѣмъ густой дымъ сигнальныхъ костровъ, подымавшійся кругомъ по вершинамъ горъ, указывалъ на близкое присутствіе горцевъ. Поэтому Текелли отправилъ небольшой отрядъ, подъ командой полковника Мансурова, для рекогносцировки верховій рѣки Убына. Но едва отрядъ отошелъ на одинъ переходъ, какъ 26-го сентября былъ атакованъ восьмидесячнымъ скопищемъ горцевъ. Бѣшеная атака ихъ заставила отрядъ остановиться; къ горцамъ между тѣмъ подошли турецкія войска съ восемью орудіями, и отрядъ очутился между двухъ огней. Мансуровъ, построивъ пѣхоту въ каре, пять часовъ отбивался отъ непріятеля въ то время какъ на флангахъ у него кипѣли горячія кавалерійскія схватки. Замѣчательно, между прочимъ, то обстоятельство, что терскими и гребенскими казаками въ этомъ бою предводительствовали отважный подполковникъ Селимъ-Гирей, родной племянникъ послѣдняго крымскаго хана, а турецкою конницею командовалъ отецъ Селима, Батый-Гирей, некогда мечтавшій овладѣть крымскимъ престоломъ, и имъ не разъ приходилось сходитьсѣ въ рукопашныхъ схваткахъ. Сынъ остался побѣдителемъ и вынудилъ своего отца покинуть поле сраженія; черкесы были разбиты и гребенцы съ боя взяли непріятельское знамя. Вечеромъ на помощь къ Мансурову подошелъ князь Ратіевъ, а вслѣдъ за нимъ стали показываться и главныя русскія силы. Появленіе ихъ окончательно рѣшило участь боя: непріятель отступилъ, потерявъ, какъ говорятъ, болѣе 1000 человекъ. Потери русскаго отряда были также значительны: изъ строя выбыло до 250 нижнихъ чиновъ.

Послѣ этого сраженія Текелли вошелъ въ неприступныя горныя ущелья и, произведя страшное опустошеніе въ жилищахъ закубанскихъ народовъ, повернулъ къ Анапѣ, съ цѣлью сдѣлать попытку овладѣть этою важною крѣпостію.

14-го октября два батальона егерей, поддерживаемые драгунскою бригадой и Волжскимъ казачимъ полкомъ, подъ командой полковника Германа, произвели усиленную рекогносцировку. Замѣтивъ приближеніе нашихъ войскъ, турки притаились за крѣпостными стѣнами, но лишь только драгунскіе эскадроны, далеко

опередившіе пѣхоту, подошли на пушечный выстрѣль, они открыли огонь изъ всѣхъ орудій. Въ ту же минуту турецкая пѣхота, высыпавшая на валъ, выставила множество знаменъ и бунчуковъ. То былъ какъ бы условный сигналъ, по которому горцы, скрывавшіеся дотолѣ въ лѣсистыхъ ущельяхъ, вдругъ выдвинули противъ русскихъ 11 орудій и, подѣ прикрытіемъ жестокаго артиллерійскаго огня, бросились въ атаку. Янычары, въ свою очередь, вышли изъ крѣпостныхъ воротъ, чтобы отрѣзать драгунамъ отступление. Положеніе русской конницы было отчаянное. Къ счастью, въ эту минуту подошли два батальона пѣхоты, которые привяли драгунъ на себя и дали имъ возможность отступить въ порядкѣ. Пѣхотѣ одной пришлось теперь оснаживать поле сраженія у всей черкесской силы. Сраженіе завязалось упорное, особенно въ дер. Кучугурахъ, откуда никакія силы янычаръ и горцевъ не могли выбить русскихъ егерей, засѣвшихъ между кустами и камнями. Имъ приходилось умирать на мѣстѣ, не помышляя объ отступленіи, и они, конечно, были бы подавлены сильнѣйшимъ врагомъ, еслибъ не подошелъ на выручку отрядъ подѣ предводительствомъ генераль-маіора Ратіева. Неожиданное появленіе свѣжей русской колонны заставило непріятеля очистить дорогу егерямъ, которые, отстрѣливаясь, отошли на гору, подѣ прикрытіе артиллерійскаго огня авангарда. Между тѣмъ смерклося, и наступившая ночь прекратила сраженіе, продолжавшееся болѣе семи часовъ сряду.

Число турокъ и горцевъ, защищавшихъ Анапу, оказалось значительнымъ, и Текелли, понимавшій трудность, при господствѣ турецкаго флота на Черномъ морѣ, овладѣть Анапой, отошелъ за Кубань.

Двухмѣсячный походъ Текелли къ Анапѣ былъ первымъ продолжительнымъ, серьезнымъ наступательнымъ дѣйствіемъ русскихъ въ непріятельскія земли. Наступленіе было ведено съ большою осмотрительностію, и генераль Текелли, человекъ очевидно опытный, предусмотрительный, не увлекавшійся желаніемъ громкихъ дѣлъ, довольствовался только достиженіемъ главной цѣли—обезопасить русскія границы отъ покушеній турокъ. И цѣль эта была вполне достигнута. Въ то же время были изслѣдованы всѣ дороги, ведущія къ важной приморской турецкой крѣпости, собраны свѣ-

дѣнія о мѣстномъ населеніи, о его силѣ, объ отношеніяхъ племенъ другъ къ другу, и записка Текелли, поданная Потемкину, не лишена интереса даже и понынѣ.

Окончивъ экспедицію, Текелли, къ общему сожалѣнію, вышелъ въ отставку и въ томъ же 1778 году умеръ. Прибывшій на мѣсто его генералъ-аншефъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ оставался на линіи лишь нѣсколько мѣсяцевъ и былъ отозванъ на постъ главнокомандующаго Финляндскою арміею.

